

КРИВОНОГИЙ

Эуннэкай медленно брёл по склону высокого "камня", опираясь на длинное ратовище чэруны [Чэруна -- небольшой железный крюк на длинном ратовище, употребляемый для выхватывания мелкой рыбы из воды. (Прим. Тана).] и с трудом переставляя свои кривые ступни. Его небольшое и тщедушное тело сгибалось под тяжестью огромной котомки, навьюченной на спину и поддерживаемой узким ремнём, перетянутым через грудь. Товарищи ушли вперёд со стадом и сложили свои ноши на его бессильные плечи. Участь вьючного животного была его постоянной долей. Всё равно он не мог быть помощником при вечной погоне за разбегающимися оленями, и ему приходилось волей-неволей облегчать других пастухов от излишней тяжести и брать её на себя. Его левая нога от колена до лодыжки ныла и болела, как будто хотела переломиться. Спина тоже ныла; уродливая грудь, выгнутая, как у птицы, сжималась, словно в тисках. Ремень от котомки скатывался на шею и душил, как петля.

Ноша Эуннэкая имела такие почтенные размеры, что не всякий вьючный олень мог бы её нести. Тут было бесчисленное множество обуви, которая во время летних скитаний по острым камням хребтов так и горит на ногах пастухов, несколько перемен меховой одежды, три верхних балахона из невыделанной оленьей кожи, несколько длиннейших ратовищ, подобных тому, которое Эуннэкай держал в руках, большой котёл, копье, пара больших ножей в треть метра длиной.

Несмотря на то что июльское солнце палило отвесными лучами даже вечно холодные камни Станового хребта, Эуннэкай был одет в неизменную меховую рубаху и такие же шаровары, а голова его была покрыта рыжей шапкой из шкуры двойного пыжика. Эуннэкай так привык к этой одежде, что рассматривал её как свою природную шкуру. От зноя он не страдал. Тенантумгин, олений бог, давший всем зверям косматую одежду, одарил её чудесной способностью -- летом линять и становиться тоньше, чтобы обладатели её не слишком страдали от жара. Эуннэкай был создан нагим и должен был сам придумывать для себя защиту от изменчивости стихий, и, конечно, его выдумка не отличалась таким совершенством, как создание великого родоначальника и творца полярной земли.

Эуннэкай шёл и раздумывал. С тех пор как он обглодал последнюю косточку, брошенную его братом Каулькаем, из которой он пытался извлечь ещё какой-нибудь съедобный материал, мясо не касалось его уст. Впрочем, он не очень страдал от голода. Чукчи вообще едят раз в день, а молодые люди, пасущие стада, сплошь и рядом голодают по два и по три дня, особенно в летнее время. Эуннэкай привык рассматривать голод как нормальное условие своей жизни. И в этом отношении он тоже был выносливее своих оленей.

Солнце поднималось выше и выше, а шаг Эуннэкая становился всё медленнее. Утром, когда он впервые тронулся в путь, он шагал не так тихо и долго не терял из виду стада, двигавшегося впереди. Олени поминутно останавливались и щипали свежие листочки на ветвях мелких кустиков, зелень которых они так любили. Пастухи то и дело отбегали в сторону, чтобы собрать воедино разбредавшихся животных. Стадо подвигалось вперёд довольно медленно. Но потом Эуннэкай отстал и потерял-таки его из виду. С тех пор прошло много времени, и стадо, должно быть, успело сделать более половины пути по направлению к белой наледи, дающей желанную защиту от комаров. А Эуннэкаю предстояло идти ещё очень долго. Окружающая местность была знакома ему как его пять пальцев. Недаром он родился и вырос в пустыне. Он узнавал каждый уступ окружавших его вершин, каждый изгиб маленькой горной речки, бежавшей по серым камням в узкой ложбине, и знал, что ему придётся сделать ещё много поворотов, пока вдали блеснут белые края широкой наледи, не тающей даже под июльским солнцем.

Столб комаров с пронзительным жужжанием вился над головой Эуннэкая, словно призывая к атаке. Комары торопились воспользоваться благоприятными минутами. Время от времени Эуннэкай медленно проводил рукою по лицу и, раздавив десятка два комаров, размазывал кровь по щеке или по лбу. Лицо его было покрыто засохшими пятнами такой крови. Но и помимо этих пятен, смуглое лицо Эуннэкая было до такой степени испачкано грязью, что даже среди никогда не моющихся чукоч заслужило ему название Чарарамкина, то есть грязного жителя. Глаза его были узки и прорезаны наискось, губы некрасиво оттопырились, низкий лоб, сильно наклоненный назад, переходил в худо сформированный несимметричный череп. Над безобразием Эуннэкая смеялись молодые девушки на всех тех стойбищах, где когда-либо показывалась его